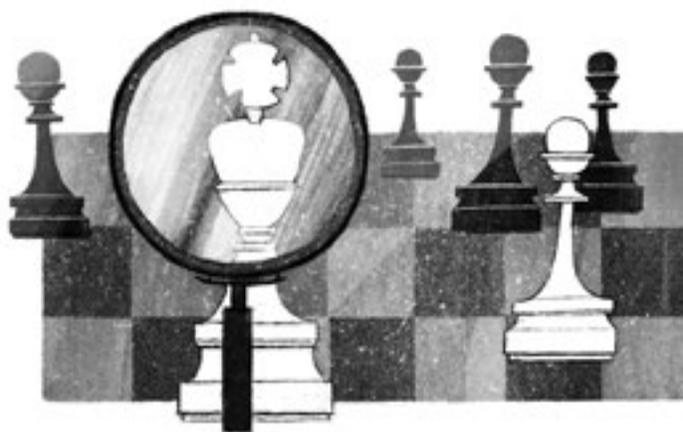


■ Для Дженни,
которая попросила детектив-загадку,
■ и для Сьюзен К.







«Закатные башни»

■ **1** Солнце заходит на западе (это знают почти все), но «Закатные башни» смотрели на восток. Странное дело!

«Закатные башни» смотрели на восток, и никаких башен у них не было. Этот светлый и сверкающий жилой дом одиноко высился на берегу озера Мичиган всеми своими пятью этажами. Всеми пятью пустыми этажами.

А в один прекрасный день (так сложилось, что это случилось Четвертого июля*) мальчик-рассыльный весьма

* Четвертое июля — День независимости США; в этот день в 1776 году была подписана Декларация независимости тринадцати американских штатов от Великобритании. — *Здесь и далее примеч. пер.*

необычного вида прокатился по городу, распахивая письма под двери избранных будущих жильцов. Письма были подписаны *Барни Нордрупом*.

Мальчику-рассыльному стукнуло шестьдесят два годика, а человека по имени Барни Нордруп на свете не существовало.



Уважаемый счастливец!

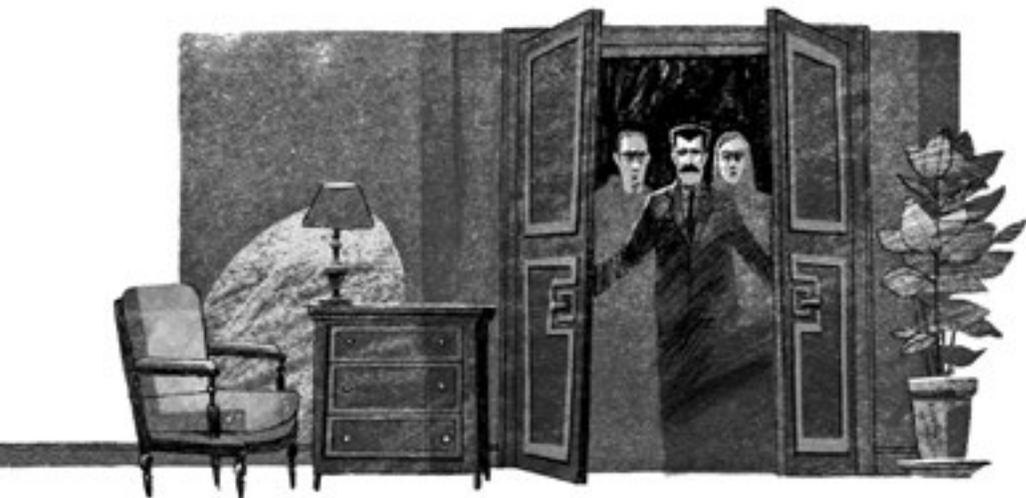
Вот она — Ваша квартира мечты, за деньги, которые Вы можете себе позволить, в новейшем и роскошнейшем доме на озере Мичиган:

«ЗАКАТНЫЕ БАШНИ»

- Панорамные окна в каждой комнате
- Консьерж в мундире, услуги горничной
- Центральная система кондиционирования, высокоскоростной лифт
- Исключительно хороший район, поблизости прекрасные школы
- И т. д. и т. п.

Невероятно, но факт. Однако показ этих безгранично изысканных апартаментов проводится только по предварительной записи. Так что поспешите, квартир осталось мало!!! Если вас заинтересовало это феноменальное предложение, срочно позвоните мне по телефону 276-7474.

Ваш покорный слуга,
Барни Нордруп



Миссис Векслер ахнула: дух захватывало — не то слово. Две стены в гостиной стеклянные от пола до потолка. Следом за Барни Нордрупом миссис Векслер в восторге бродила по квартире, ойкая и охая.

Муж тащился за ней по пятам и восторга не разделял.

— Это что? Спальня или кладовка? — осведомился Джейк Векслер, заглянув в последнюю комнату.

— Спальня, разумеется, — ответила его жена.

— А похожа на кладовку.

— Ой, Джейк, это прелестная квартира, просто прелестная, — монотонно заворковала Нина Векслер. — Третья спальня маловата, но для Черепахи сойдет. И ты сам подумай, как удобно, что твой кабинет будет прямо в вестибюле. Не надо ездить на работу и с работы, не надо газон косить, не надо снег копать.

— Позвольте напомнить, — вмешался Барни Нордруп, — что аренда здесь дешевле, чем вам обходится содержание старого дома.

Что ж, хотя бы из северного окна вид открывался красивый.

— Снаружи точно ничего не видно? — спросила Сиделла Пуласки.

— Абсолютно точно, — ответил Барни Нордруп, проследив за ее подозрительным взглядом до самого особняка на утесе. — Да это старый дом Вестинга, там уже пятнадцать лет никто не живет.

— Ну, мне надо подумать.

— У меня двадцать человек в очереди вымалывают эту квартиру, — сказал Барни Нордруп; врал он как сивый мерин, с которым его роднили торчащие лошадиные зубы. — Берете или не берете?

— Беру.

Барни Нордруп был хорошим продавцом, а кем и чем он был еще — не суть. За один-единственный день он сдал «Закатные башни» целиком — людям, чьи имена печатными буквами уже значились на почтовых ящиках в нише на первом этаже:

- Кабинет *Д-р Векслер*
- Вестибюль *Кофейня «Теодоракис»*
- 2В *Ф. Баумбах*
- 2Г *Теодоракис*
- 3В *То*
- 3Г *Дж.-Дж. Тригз*
- 4В *С. Пуласки*
- 4Г *Векслер*
- 5 *Ресторан «Синь То»*

Кто они были, эти люди, эти особо избранные жильцы? Матери, отцы, дети. Портниха, секретарша, изобретатель, врач, судья. Ах да, точно — один букмекер, один домушник, один бомбист и одна промашка. С одним жильцом Барни Нордруп прокололся.

Призраки или чего похуже



- **2** Первого сентября избранные (и промашка) въехали в новое жильё. С севера дом огородили проволочным забором и на табличке предупредили:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН – *Владения
Вестинга*

Только что заасфальтированная подъездная дорога резко изгибалась и возвращалась откуда пришла, чтобы не пересекать границу между городом и округом. «Закатные башни» стояли на самой городской окраине.

Второго сентября торжественно открылся ресторан «Синь То», подававший традиционные китайские блюда. Открытие посетили всего трое. Район и впрямь оказался исключительно хорош, но мистера То он исключал. А вот кофейня, открывшаяся на автостоянке, была подешевле и кормила завтраками, обедами и ужинами жильцов, которые «заказывали наверх», а также рабочих из соседнего Вестинггауна.

«Закатные башни» оказались домом порядочным и упорядоченным, а обитатели его (кроме ворчливого мистера То) были вроде бы довольны жизнью. Соседи приветствовали друг друга «добрыми утрами» и «добрыми вечерами» или благожелательными улыбками, а с мелкими неурядицами справлялись за закрытыми дверями.

Крупные неурядицы еще не случились.



Наступил конец октября. Холодный ветер взбивал падающую листву у ног четверых людей, сгрудившихся на дорожке перед «Закатными башнями», но никто не дрожал. Пока что.

Коренастый и плечистый Сэнди Макзюйдерс в мундире консьержа стоял руки в боки, широко расставив ноги. Двое тонких и звонких старшеклассников, Тео Теодоракис и Даг То, прикрывали глаза от морозного ветра. Маленький и жилистый Рес Тарн, мальчик-рассыльный шестидесяти двух лет от роду, тыкал пальцем в дом на холме.

Все четверо смотрели на север, распахнув рты, точно каменные изваяния, застывшие в миг великого открытия, пока

по дорожке, развевая косой, как воздушным змеем, не подкатила Черепаха Векслер.

— Смотрите! Смотрите, там дым... дым из трубы дома Вестинга.

Дым они уже видели. А она думает, на что они тут уставились?

Запыхавшаяся Черепаха припала к велосипедному рулю. (Поблизости от «Закатных башен» были прекрасные школы, тут Барни Нордруп не соврал, однако до здания средней — четыре мили дороги.)

— Вы как... вы как думаете, может, там старый Вестинг?

— Да не, — ответил пожилой мальчик-рассыльный Рес Тарн. — Его уж сколько лет никто не видал. Кажись, на частном острове в южных морях живет, вот оно как, хотя почти все болтают, что помер. Давным-давно уж как помер. Говорят, труп так в старом доме и лежит. Прямо, говорят, на красивом восточном ковре, плоть на старых костях гниет, опарыши в глазницах копошатся и из ноздрей выползают, —



прибавил он и пронзительно захекекал над этими тошнотворными подробностями.

Вот тут кое-кто вздрогнул. А именно Черепаха.

— Так ему и надо, — сказал Сэнди. Консьерж, человек вообще-то жизнерадостный, то и дело горько сетовал на увольнение с бумажного комбината Вестинга, где проработал двадцать лет. — Но кто-то там, видимо, есть. Живой кто-то. — Он сдвинул на затылок фуражку с золотым галуном и сощурился на дом сквозь очки в стальной оправе, будто ждал, что дымные завитки напишут разгадку в осеннем воздухе. — Может, опять эта молодежь. Хотя нет, это вряд ли.

— Какая молодежь? — заинтересовалась молодежь.

— Да двое этих пацанов незадачливых из Вестингтауна.

— Каких незадачливых пацанов?

Три головы резко повернулись от консьержа к рассыльному. Даг То пригнулся, чтоб ему не попало Черепахиной косой по физиономии. Только тронь ее драгоценную косу,



даже нечаянно, — она тебя, зараза, мигом по ногам отпинает. А у Дага скоро важные соревнования, ему только травмы голени и не хватало. Гигант спорта пустился трусцой на месте.

— Ужас, крошечный ужас. — Рес Тарн содрогнулся, и застежки его кожаного летного шлема захлопали по длинным худым щекам. — Если так подумать, случилось-то все ровнехонько год назад. На Хеллоуин.

— А что случилось-то? — нетерпеливо спросил Тео Теодоракис. Он опаздывал на работу в кофейню.

— Расскажи им, Рес, — поторопил Сэнди.

Рассыльный огладил серую щетину на заостренном подбородке.

— Они, я так понял, заключили пари — кто-то поспорил с ними на доллар, что они в этом страшном доме не продержатся пяти минут. На один жалкий доллар! Бедные пацаны как в застекленные двери с нашей вон стороны вошли, так и выскочили мухой, все равно что призрак за ними гнался. Призрак — а то и чего похуже.

Чего похуже? Черепаха позабыла даже, что у нее пульсирует больной зуб. Тео Теодоракис и Даг То, старше и просвещеннее, подмигнули друг другу, но остались дослушать байку.

— Один бежал как угорелый, орал во всю глотку. Все орал и орал, пока на скалы с утеса не спикировал. А другой с тех пор только два слова и произносил. Про что-то пурпурное.

— Пурпурная зыбь, — подсказал Сэнди.

Рес Тарн грустно кивнул:

— Точно, сидит теперь бедолага в психбольнице штата, твердит: «Пурпурная зыбь, пурпурная зыбь», снова и снова, и глазами испуганными собственные руки сверлит. Потому как у него, когда он из дома Вестинга выскочил, все руки были в теплой красной крови.

Тут разом вздрогнули все представители молодежи.

— Несчастный пацан, — сказал консьерж. — Столько боли, столько страданий ради какого-то паршивого доллара.

— Дадите два доллара за каждую минуту, что я там пробуду, — и по рукам, — сказала Черепаха.



За группой на дорожке подглядывали.

Пятнадцатилетний Крис Теодоракис посмотрел из восточного окна квартиры 2Г, как его брат Тео пожал руку (поспорили, наверное) тощей девчонке с косой и бегом кинулся в вестибюль. В семейной кофейне сейчас людно: брат должен был заступить на вахту за стойкой полчаса назад. Крис глянул на стенные часы. Еще два часа — и Тео принесет ему ужин. Тогда Крис скажет ему про хромого.

Сегодня Крис следил за полетом пурпурной лесной ласточки (*Progne subis*) над ежевичными зарослями, меж дубов, затем выше, до самого красного клена на холме. Птица улетела, но Крис заметил кое-что еще. Кто-то (мужчина или женщина, Крис не понял) вышел из тени на лужайку, отпер застекленные двери и исчез в доме Вестинга. Этот кто-то хромул. Прошло несколько минут, и из трубы взвился дым.

Крис в который раз повернулся к северному окну и оглядел дом на утесе. Застекленные двери закрыты; все семнадцать окон, которые он уже столько раз пересчитывал, плотно занавешены тяжелыми портьерами.

Особенным окнам «Закатных башен» портьеры не нужны. Крис изнутри видел все, а снаружи никто ничего не видел. Почему тогда порой ему чудилось, будто на него кто-то смотрит? Кто тут может на него смотреть? Бог? Если Бог за ним смотрит, почему тогда Крис такой?

Бинокль упал на колени. Голова рывком запрокинулась, тело скрючили ужасные спазмы. Спокойно, Тео скоро придет. Спокойно, скоро на юг клином пролетят казарки. Канадские казарки (*Branta canadensis*). Спокойно. Успокойся и смотри, как ветер подхватывает дым и сдувает его к Вестинггауну.